

Волшебная сумка Гермионы

Автор:

[Наталья Миронина](#)

Волшебная сумка Гермионы

Наталья Миронина

Счастливый билет

Кто бы мог подумать, что простые вещи способны приобретать магические свойства! Однажды Кира Стрельцова увидела в дорогом магазине сногшибательную сумку – и закрутилось. Кира купила сумочку, но вскоре сдала обратно в магазин из-за денежных трудностей, потом сшила ее точную копию, получила заказ еще на одну сумку и приглашение в итальянскую школу мастеров. Дальше – больше. Развод с нелюбимым мужем, судебный процесс и обретение новой, счастливой любви. Что это? Волшебство? Или все же судьба?

Наталья Миронина

Волшебная сумка Гермионы

© Миронина Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Кира замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась перед витриной. Сумка была потрясающей! По прихоти оформителя замшевый аксессуар был небрежно брошен так, что чуть смялись бока, длинный ремешок превратился в запутанный клубок, а медная пряжка раскрылась. В этой небрежности не было нарочитости, она придавала сумке изысканность и грубоватый шик. Кира физически ощутила мягкость замши и прохладу металла. Ничем не украшенная, кроме этой самой пряжки и широких стежков, сумка была совершенно простой и фантастически шикарной.

Кира иногда бывала в этом переулке, но старалась не разглядывать витрины – в этих магазинах делать ей было нечего. Модели, выставленные здесь, ее не привлекали: все было маленьким, узким, и Кира думала, попроси она у продавца самый большой размер, одежда все равно будет мала. Она любила одежду удобную, просторную, без лишних деталей. Одним словом, эта улица дорогих бутиков не была предметом зависти и не разжигала неудовлетворенность. И вот только эта большая замшевая сумка поразила ее в самое сердце. Кира подошла вплотную к стеклу, пытаясь найти цену. «Понятно, – усмехнулась она, – не хотят пугать покупателей!»

«Покупатели» – симпатичные и яркие девушки – выскочили из стеклянных дверей, внезапно оглушив пустынный переулок смехом. Кира почему-то отпрянула от витрины, словно занималась чем-то предосудительным. Словно была голодной и подсматривала за обедающими. Одна из девушек оглянулась, встретилась с Кирой глазами и неожиданно сказала:

– У них сумасшедшие скидки!

– О! – только и вымолвила Кира.

– Да! И еще есть что выбрать! – прокричала девушка.

Она с подругами уже сидела в машине. Кира для вида еще покрутила головой, но, как только подруги отъехали, прибавила шаг. «Пора домой, дел полно...» – подумала Кира. Она сделала несколько шагов, застыла и решительно развернулась. Через минуту она стояла у прилавка:

– Покажите, пожалуйста сумку, ту, с витрины! – попросила продавщицу.

Та кивнула:

- Конечно, но имейте в виду, она – одна. Было всего четыре.

- У вас сейчас скидки? – осторожно спросила Кира.

- Да, до шестидесяти процентов. Не на все, но на многие предметы.

- А на эту сумку?

- Сорок.

- Хорошо, она мне очень понравилась, – улыбнулась Кира.

Она так до сих пор и не решилась спросить про цену. Понимая неразумность своего поведения, она не двигалась с места – ей во что бы то ни стало нужно взять в руки эту сумку.

- Вот, пожалуйста. Она большая, но легкая. Все внешние стежки выполнены вручную. Это обязательное условие при окончательной обработке. Компания старейшая, работает с начала девятнадцатого века. И этот тон замши считается фирменным.

Кира вертела в руках сумку – первое впечатление не было обманчивым, более того, вблизи на ощупь сумка была восхитительна – в ней были не только мягкость, легкость, она была совершенна в деталях, даже в самых мельчайших.

- Какая красота! – покачала головой Кира.

- И заметьте, удобная, прочная красота, – добавила продавщица.

Она давно уже разгадала Киру, поняла, что она вряд ли купит дорогую вещь. Что больше выдавало несостоятельность Киры – скованность, смущение, наличие в руках пакетов с бытовой химией или старый зонт, – было не важно. Продавщица профессиональным чутьем «считала» человека.

– Сумка сейчас стоит восемьдесят тысяч, это со скидкой, – произнесла она тихо и как бы по-дружески добавила: – Возможно, цена еще снизится.

– Да, это прекрасная вещь, – покачала головой Кира и вернула сумку, – спасибо. Я подумаю. Может быть...

– Конечно-конечно, – избавила ее от неловкой заминки продавщица, – когда покупаешь такую вещь, надо обязательно подумать.

Выйдя из магазина, Кира ощутила запах влаги. Она еле успела добежать до своей старенькой машинки, когда грянул гром и полил дождь. Оказавшись в замкнутом пространстве, вдохнув знакомый запах духов, мужниного одеколona, освежителя воздуха и почему-то укропа, Кира улыбнулась. Ей не суждено пока владеть сумкой, в которую она влюбилась с первого взгляда, но, что удивительно, жизнь от этого хуже не казалась. Наоборот, было чувство, что вот-вот случится что-то необыкновенное, хорошее. словно прикосновение к красивому аксессуару было волшебством.

Если пройти вдоль реки, а потом подняться на пригорок, то первое, что вы увидите, будет невысокий кирпичный дом с коричневыми ставнями. Дом особой красотой не выделялся, но рядом с ним стоял дуб. Огромный и развесистый, он накрывал кроной дом, придавая картине значительность. Летом в окнах дома полоскались белые занавески, зимой – горели огни, привлекая теплом уюта. В этом доме и жила Кира Стрельцова. Когда-то на этом месте стоял дом ее бабушки. Из тех деревенских домов в три оконца и с полом вровень с землей. Когда бабушка умерла, а Кира вышла замуж, домик снесли и поставили вот этот новый – небольшой, но уютный. Пока дом строили, Кира была озабочена только одним – как бы не спилили или не повредили дуб. Ей казалось, что без дуба жизни в этом месте не будет. Муж сначала смеялся, потом сердился. Потом махнул рукой – дуб огородили штакетником на все время строительства. А потом, когда все закончилось, стало ясно: дуб – неотъемлемая часть дома, пейзажа и вообще жизни. Под дубом пили чай, нянчили дочку, ссорились – мирились, сидели вечерами, глядя на реку.

Не только дом по наследству достался Кире. От бабушки ей достались светлые волнистые волосы, большие серые глаза, широкие скулы и фигура не тоненькая, но крепкая, подтянутая. Родственники, кстати, очень удивлялись этому сходству с бабушкой – на отца и мать Кира вовсе не была похожа. Да и характером она была скорее в бабушку. Та в деревне слыла женщиной решительной, но

абсолютно не скандальной, скорее тихой. Привычное деревенское занятие выяснять отношения через забор, припечатывая оппонента метким словцом, бабушку никогда не привлекало, она все делала спокойно.

Домой Кира добралась только к вечеру: пробки на летних московских дорогах были явлением привычным. Кира водила машину недавно, поэтому старалась быть аккуратной, всех пропускала, желтый сигнал светофора считала строго запрещающим. Муж частенько смеялся над тихходностью жены и пытался доказать, что на автобусе было бы быстрее, но Кира получение водительских прав и покупку старенькой малолитражки считала важным личным завоеванием и на насмешки не обращала внимания. Только старалась обязательно поспеть к вечеру, к моменту, когда муж приедет ужинать.

Забрав дочку из садика, Кира купила хлеб и обязательный бублик для Лены.

– Мама, ты ведь никогда не забываешь про бублик? – Дочь уже вгрызлась в красно-коричневую корочку.

– Никогда не забываю, – согласилась Кира.

– И про сырки – тоже.

– Как можно забыть про сырки! – воскликнула Кира. Сырки в шоколаде – это было самое лучшее лакомство. Впрочем, Кира однажды обманула Лену.

– Это то же самое эскимо. Только вкуснее.

– Нет, вкуснее эскимо не бывает, – боднулась тогда головой Лена.

– А ты попробуй... – посоветовала Кира.

Так и осталось невыясненным – поверила ли дочь маме, но сырки, как и бублик, не переводились теперь в доме.

Кира никогда не читала книг по педагогике, не смотрела передач на эту тему и, что самое главное, не прислушивалась к рассуждениям окружающих. Она искренне полагала, что инстинкты нормальной матери не позволят причинить

вред ребенку. А конкретные шаги, действия, методы вырабатываются в каждой семье свои, в зависимости от особенностей подрастающего человечка. Кире приходилось нелегко – Антонина Васильевна, ее мать, была педагогом. И набор штампов, при помощи которых должны были строиться отношения, культивировались ею со страшной силой. Но Кира спокойно и твердо отстаивала свою точку зрения.

– Мама, в тебе педагог борется с бабушкой. Педагог требует подчинения и репрессий, а бабушка допускает мягкость и вседозволенность. Отсюда и неровность в вашем общении, – как-то сказала Кира.

Кира не ссорилась с мамой, но дочку от себя старалась надолго не отпускать. Несмотря на занятость, она успевала заниматься с ней, играть и, самое главное, болтать обо всех смешных пустяках, которые так важны для детей.

Кира загнала машину во двор, но в дом они с Леной не спешили. И это тоже была их традиция – посидеть, посмотреть на реку, пошептаться о всяких смешных секретах. Кира не могла бы жить без этих минут. Она присела на старенькую лавочку у забора, взяла на колени дочку, обняла, вдохнув родной запах.

– Тебе не холодно? – спросила она Лену.

– Нет. Я тебя люблю, мам, – ответила та, удобней устраиваясь на коленях у Киры.

Река, косогор в цветах, небо в легких облаках – все пахло легко, радостно, словно бы кто-то окропил все душистым неизведанным одеколоном, а потом наслал прохладный ветерок. Кира смотрела на пейзаж, знакомый с малолетства, и ощущала совершенно непонятное счастье. И это не было счастье покоя и определенности. Это было счастье, от которого сильнее стучало сердце и мурашки бегали по спине. «Надо ужин приготовить. Картошку разогреть и мясо в духовку поставить... – думала Кира, а сама слушала разговор дочери и тут же мысленно восклицала: – Какая она маленькая и смешная! Но уже свои проблемы, такие женские, такие трогательные! Как же здорово у нас! И река, и лето! Ах да, и сумка – какая классная! Вот бы купить! Но ведь дорогая. Даже представить себе невозможно, какая дорогая!»

Кира вслух рассмеялась своему настроению: «Что это со мной?! Глупости какие в голову лезут!» Она отпустила Лену, потом встала, сорвала какой-то мелкий

цветок, растерла в ладонях его пахучую зелень и поспешила в дом. Какой-нибудь психолог, наверное, смог бы объяснить ей связь между красивой вещью, надеждой обладать ею, между летним настроением и совершенно неожиданным всплеском решимости. Но психолога рядом не было, и Кира, удивляясь самой себе, отправилась готовить ужин.

Муж прибыл ровно в восемь – Виктор никуда никогда не опаздывал.

– Как хорошо! – Кира чмокнула мужа в щеку. Тот ответил ей хмурым «угу» и вопросом: «Где Лена?»

– Она у себя рисует. Но завтра будет у мамы. Дня два пробудет.

– А что ей, дома плохо? Или тебе снова некогда? – Тон был по-прежнему суров.

– Почему? Мама соскучилась. Мне пришлось даже в детском саду ее отпрашивать.

– Не нравится мне этот детский сад.

– У нас нет вариантов. У меня две работы. Я и так при любом удобном случае забираю ее пораньше.

Кира три раза в неделю работала в районной поликлинике и раз в неделю убирала в одной семье.

– Много ты там подработаешь... – проворчал муж.

– Все равно, деньги пригодятся.

Кира быстро накрывала на стол.

– Ты только приехала? – Муж выглянул в окно.

– Минут сорок назад. В магазин заехала, потом в сад за Леной.

- А днем где была?

- Ездил за порошком и чистящим средством.

- В Москву? Ближе не продают?

- Пришлось ехать в Москву. Там фирменный магазин. Специальные средства.

- Зачем они нам?

- Не нам, это для уборки у Вороновых.

- А сами не могут купить?

- Они оплачивают мне бензин, это часть работы.

Кира, видя, что муж никак не придет в спокойное состояние, подвинула тарелку.

- Помидоры у нас в этом году выросли! Надо будет лечо закрыть.

Виктор ел молча, но ложка уже стучала тише, движения стали не такими резкими.

Кира, улыбаясь, посмотрела на мужа и вдруг произнесла:

- Знаешь, я сегодня такую вещь видела!

Муж молчал.

- Потрясающую сумку! - продолжила Кира. - Вроде бы ничего обычного, но она такая... такая...

Виктор посмотрел на жену исподлобья. Кира улыбалась.

– Я даже объяснить не могу, почему она мне так понравилась!.. Замша такая мягкая, такая шелковистая... И запах нежный, не такой, как у кожи... А еще на ней пряжка большая, как будто с вензелем!

Виктор отставил тарелку.

– Положить добавки? – вскочила Кира. – Так вот, я увидела ее в витрине, а потом не выдержала и зашла в магазин узнать, сколько она стоит...

– Картошку не клади, мясо только. Немного, – перебил ее Виктор.

– Хорошо, – машинально кивнула Кира, – так вот, знаешь, сколько она стоит?! Ты даже не представляешь сколько!

Кира замолчала и, улыбаясь, посмотрела на мужа. Тот ел медленно, погруженный в свои мысли. Обнаружив, что жена молчит, он поднял глаза.

– Сколько?

– Она стоит восемьдесят тысяч. Это – со скидкой.

– М-м-м, – промычал Виктор больше для виду.

Ни удивления, ни восторга, ни возмущения он по этому поводу не выказал. Кира рассмеялась:

– Слушай, а давай купим мне эту сумку?! Я понимаю, что это бред! Но... Слушай, у нас же, наверное, отложены деньги? Я потом заработаю. Родственница Вороновых искала помощницу. Я еще могла бы у нее убирать. Вить, правда, давай мне эту сумку купим?!

Муж отреагировал на эти слова, как гуси на гром.

– С ума сошла! Чокнулась! Где это видано! Белены объелась! – зашипел, он, потом вскочил из-за стола и забегал по кухне. Кира уставилась на мужа.

– Погоди, что ты яришься? Ну нет – так нет! Я же просто сказала! Мне хотелось тебе рассказать, что я видела! А ты ругаешься!

– Да дура ты, если вообще о таких вещах говоришь! Восемьдесят тысяч! – Виктор выскочил из кухни.

Кира посмотрела ему вслед, потом сложила грязную посуду в раковину и налила себе чаю. Сейчас ей было и ужасно обидно, и неудобно: дочь была рядом в комнате и все слышала. И хоть девочка была маленькой, Кира мучительно страдала и от тона мужа, и от его слов. «Хорошо, что она побудет у мамы! Лучше, чем видеть отца в таком настроении!» – Внезапно исчезли силы, радость и легкость. И дело было не в отказе купить эту сумасшедшую сумку, дело было в том, что дочка стала свидетельницей ссоры и что никто не хотел ее, Киру, выслушать, разделить удивление и восторг. Конечно, этот разговор для подруги, но почему же она всегда внимательно слушает мужа, когда тот жалуется на плохое масло для двигателя или дорогие рыболовные снасти? Ей совершенно все равно, где клюет щука, но она помнит, что это интересно мужу. Да, сумка за восемьдесят тысяч – это инопланетная роскошь, но и о ней можно было поболтать. Кира сама понимала, что она никогда не пойдет на такую трату. У них полно проблем: дом подновить, дочке одежду покупать, маме помогать. Какие там сумки за безумные деньги? Но как иногда хотелось выйти за рамки привычно-разумного. Даже если это всего-навсего сумка.

Поздно вечером, когда уже была рассказана очередная история про Лягушонка, который жил в саду у дуба, и дочка почти спала, Кира не спешила из детской. Она исправно каждый вечер, как бы ни устала, присаживалась на край дочкиной кровати и придумывала маленькую историю. Истории были смешными, Лена их обожала и засыпала после них спокойно и без капризов. Потом они с Виктором пили чай на кухне, разговаривали, делились новостями. Этот «чайный час» был самым спокойным в их отношениях. Виктор мог даже рассказать что-то забавное. И Кире именно в этот час казалось, что их семейная жизнь вполне удалась – ведь все, как у людей и даже лучше. Но сегодня она не спешила на кухню, где шумел чайник. Что-то мешало ей как ни в чем не бывало улыбаться. «Почему он так себя ведет? Какое он имеет право называть меня дурой, швырять посуду, не отвечать на мои вопросы? Откуда эта злость и вечное раздражение? Да, у него плохой характер, но мог бы иногда сдерживаться!» – думала она, сидя рядом с заснувшей дочкой.

Из детской она вышла, когда Виктор ушел в спальню. Кира прошла на террасу и постелила себе на старом диване. Впрочем, ей не спалось, она прислушивалась к плеску воды, который доносился из окна, и пыталась уговорить себя не обижаться на мужа. «Ну что же он так? Может, на работе что случилось? Может, проблемы, а я не поинтересовалась?» – ворочалась она с бока на бок. Но уже то, что она ушла спать на террасу и за весь вечер не подошла к мужу, говорило о том, что произошло что-то такое, что вряд ли вернет их жизнь в привычное русло.

Было около пяти утра, когда Кира проснулась, села за стол и достала дочкины карандаши и альбом. Какое-то мгновение она сидела в задумчивости, потом аккуратно принялась выводить тонкие линии. Еще через час она из старых газет вырезала ножницами большую выкройку. Когда Виктор встал на работу, Кира делала первые стежки.

– Завтрак, – односложно сказал муж.

– В холодильнике, – так же ответила жена.

Муж хлопнул дверью и уехал. Жена даже не подняла головы. Закончив шить, она разбудила Лену, покормила и отвела в детский сад. Вернувшись, достала стремянку и полезла на антресоли. Затем из большого старого чемодана вытащила тяжелое кожаное пальто. «Сгодится!» – сказала она вслух, и почти целый день провела, распарывая старые пыльные швы. Часы пробили четыре часа дня, когда она разложила по стопочкам все лоскуты. В пять она была в магазине, покупая специальную иглу и прочные нитки. В восемь появился голодный муж, но ужина на столе не было. Жена, закрывшись на террасе, что-то делала.

– Мы есть будем? – осторожно спросил он.

– Я – нет. Ты – если хочешь, там в холодильнике что-то осталось вчерашнее. Сам разогрей.

Виктор потоптался у дверей террасы:

– Кир, да ладно тебе...

– Мне – ладно? – вскинулась Кира, но тут же рассмеялась, – мне сейчас некогда. Занимайся сам.

– Лену покормила?

– Она у мамы.

Муж отступил.

Поздно ночью Кира наконец разогнула затекшую спину. На столе перед ней лежала небольшая сумочка, почти точная копия той, что она видела в магазине. Конечно, приглядевшись, там можно было найти не десять, а сотню отличий. Но все равно то, что сделала Кира, можно было с полным правом назвать сумкой.

«Сутки. Почти сутки. Мне понадобились сутки, чтобы сшить сумку. Да, эти чертовы стежки неровные, и подкладки нет, и вместо пряжки большая медная пуговица от какого-то древнего кителя. И все равно это сумка.

Кира встала и прошлась по террасе. Она словно выпала из реальности на это время. И ссора с мужем, и обида, и все, что так угнетало, так давило и тянуло книзу, куда-то исчезло. Так приятен был азарт дела, творчества! Так приятно было видеть эту сумку сейчас перед собой. «Я, конечно, с ней никогда не пойду. Буду хранить всякие мелочи. Тем более ремешок немного неровный получился. Но все равно здорово получилось! Надо теперь Леночке детскую сумочку попробовать сделать!» – Кира вдруг почувствовала, как сон валит с ног. Она завела будильник, легла прямо на одеяло, накрылась пледом и тотчас уснула.

Вороновы занимали большой дом в соседнем с Вяземкой поселке. Кира Стрельцова случайно познакомилась с Людмилой Вороновой, когда дежурила в поликлинике. За разговором об эпидемии гриппа они провели почти двадцать минут, а потом вдруг выяснилось, что ехать им в одну сторону.

В машине было уютно, тепло, и Кира с благодарностью сказала:

– Спасибо, что предложили довезти. Хоть вам и крюк делать.

– Да ничего страшного. Кира, я вот что хотела спросить: вы же местная? Здесь всех знаете. А мы люди новые, построились только недавно. Не подскажете, может, кто ищет работу? Мне очень нужна помощница по хозяйству – двое детей, дом не очень большой, но я еще и работать пытаюсь. Времени совсем нет. Может, в поликлинике уборщицы хотят подработать. Ну конечно, хотелось бы человека хорошего, аккуратного. Об условиях договоримся.

Кира задумалась.

– Я поспрашиваю. У мамы соседка на пенсии. Я ее знаю, опрятная женщина.

Остаток пути они проболтали о детях.

Через неделю Виктор пришел домой злее обычного. Кира слышала, как он ругался с кем-то по телефону, потом долго кого-то уговаривал, потом отбросил телефон и пришел на кухню.

– Что-то случилось? – Кира посмотрела на мужа. Она задала вопрос по привычке, совершенно не ожидая ответа. Виктор обычно отмалчивался.

– Да, завтра не выхожу на работу.

Кира разволновалась не на шутку. Они взяли небольшой кредит, рассчитывая на заработок Виктора.

Кира позвонила Людмиле Вороновой:

– Если вы не возражаете, я могу попробовать у вас поработать.

– А как же поликлиника?

– Я там по сменам. Как раз и получится полная рабочая неделя.

Людмила Воронова не спросила о причинах такого решения. В глубине души она была рада, что в ее доме будет именно Кира – та понравилась ей и спокойствием, и аккуратностью.

Обязанностей у Киры было немного – уборка дома. Она приезжала, когда в доме почти никого не было, и спокойно пылесосила, мыла и начищала все три этажа. К вечеру Кира уставала, но за эту работу Людмила платила ей очень хорошо. К тому же требовала, чтобы Кира передохнула, перекусила. И вообще, отношения между женщинами сложились удивительно гармоничные. Ни одна из них не забывала о своем положении, но обе при этом сохраняли искренность и непосредственность.

Будильник поднял Киру, но до конца разбудить не смог. Наскоро собравшись, Кира побежала на автобус – в таком сонном состоянии сесть за руль она не решилась.

– Что это в тобой, Кир? – Людмила впустила ее в дом. – На тебе лица нет.

– Не выспалась, – отвечала та, проворно надевая халат и доставая из стенного шкафа ведра, швабру и емкости с бытовой химией.

– Что так? – улыбнулась Люда.

– О, не то, что ты подумала, – махнула рукой Кира, – я шила. И порола. Потом опять шила.

– Господи, да что же ты такое шила?

– Не поверишь, сумку.

Воронова рассмеялась:

– А зачем? Можно же купить.

– Можно. Но не всякую.

Кира не стала рассказывать душеспательную историю про поход в магазин.

– Ты хоть покажи, что получилось.

– А вот она, я ее сегодня с собой взяла. Надо что-то вроде пряжки подобрать. Пуговица больно страшно смотрится, – Кира протянула Вороновой сумку.

Та повертела ее в руках, закинула на плечо.

– Ты сама ее сшила?

– Да, сначала нарисовала, потом выкройку из газеты сделала, потом из тряпки сметала, потом пальто старое распорол. Что могла – на бабушкиной зингеровской машинке прострочила. Остальное – руками.

– А здорово получилось, и смотрится неплохо. Ну вот углы, конечно, не очень ровно получились.

– Там не только углы, там многое надо переделать.

– Слушай, – Людмила поднесла сумку к окну и еще раз внимательно оглядела, – а вообще здорово. Ты сама фасон придумала?

– Нет, не совсем. Я видела одну, но та была большая и закрывалась как охотничья.

– Как ягдташ.

– Да, точно. Я никак слово не могла вспомнить. Старые деревенские иногда называли «ташка».

Людмила продолжала рассматривать сумку, она попыталась вывернуть ее наизнанку.

– Порвешь. Кожа хоть и хорошая, но старая, – остановила ее Кира.

– Да, видно. Вся в заломах и местами белесая. А представляешь, если взять новую, мягкую?

Кира пожала плечами:

– Конечно, а еще нормальные нитки, иглы, ножницы. Тогда, может, что и получится.

Глава 2

Людмила Воронова позвонила через неделю. И позвонила не вовремя. Кира и Виктор выясняли отношения.

– Чего ты беленишься? – пожимал плечами Виктор.

– Пойми, ты груб. Очень груб. А Леночка растет, она слышит это все. Это же некрасиво. Она все впитывает, потом вырастет и будет говорить таким же тоном. И отвечать так же! Что это такое: «Отвяжись», «Отстань», «Не понимаешь – не лезь!». Как так можно?

– Да ничего такого! Устаю просто! Ладно, не буду!

Тогда, в последнюю ссору из-за сумки, она не на шутку обиделась на мужа. И сейчас выговаривала ему, не столько желая что-то объяснить, сколько проучить его гневом. Кира набрала в легкие воздух, чтобы ответить, как раздался звонок.

– Кира, привет! Дело есть.

– Приехать убрать? – Кира обрадовалась звонку, потому что ссора заходила в тупик.

– Нет. Мне нужен необычный подарок. В гости идем. У именинницы есть все, дороговизной ее не удивишь, надо что-то... необычное, эксклюзивное. Я подумала, может, ты сумочку сошьешь?

– Люда, ты что? Я даже не возьмусь! Я никогда этим не занималась. Ты же видела, это кустарщина. Так, под настроение...

- Ты не права, у тебя здорово получилось. Я даже подумала, что ты училась этому делу.

- Училась. На курсы ходила. Еще школьницей, мама заставила.

- А это заметно. У тебя аккуратно получилось. Ну что, договорились?

- Нет, Люда, не смогу! Я же, повторяю, взялась за это под настроение.

- Зря. Очень зря. У тебя отлично бы получилось. Одним словом, если надумаешь, позвони обязательно. Время еще есть - день рождения через две недели.

- Хорошо, я подумаю. - Кира повесила трубку.

«Господи, вот придет же в голову! Сшить сумку!» - подумала она и выглянула в окно. Там муж вяло переругивался с соседом. До Киры доносились голоса, и она уже понимала, что это даже не ссора, а обычный разговор, но сварливые интонации, исковерканный мат превращали беседу в склоку. Кира поморщилась - не то чтобы она была такой «кисейной барышней», но эта грубость и вечное подзуживание осточертели. Она вдруг вспомнила, как хорошо ей было тогда на террасе. Тишина предрассветного времени, первое солнце, птицы, покой на душе. И эти движения иглой, податливая ткань, пунктир стежка. «А потом, - вспоминала Кира, - кожа с запахом старого чемодана, упругая, гладкая и шершавая одновременно!» Кира улыбнулась - на одном дыхании, словно ничего не замечая, она сшила эту сумку. И как приятно было держать потом ее в руках.

Кира набрала номер Люды:

- Люда, как бы хорошо я ни сделала, все равно это будет кустарно! Это будет любительская вещь!

- Значит, ты согласна? - обрадовалась та, словно и не слышала сомнений.

- Я не знаю...

- Так, я сейчас няню дождусь и заеду за тобой. Поедем в магазин, покупать расходные материалы - нитки, инструменты, ножницы... Ты же говорила, нужны

специальные. А вот кожу сама будешь покупать. Ты должна решить, как будет выглядеть эта сумка.

- Ладно! - сдалась Кира.

Людмила появилась через полтора часа. Виктор с удивлением проследил за женой, которая садилась в машину.

- А куда это ты собралась? - сурово спросил он.

- По делам, - сухо ответила Кира.

- Поссорились? - спросила Люда Воронова, как только они отъехали от дома.

- Я даже не знаю, - честно ответила Кира, - я даже не знаю, что делать с этой моей семейной жизнью.

- Ты хотела сказать: с любовью в семейной жизни? - уточнила Люда.

- Нет, про любовь я ничего не говорила, - вздохнула Кира.

Кире Стрельцовой было тридцать лет, из них восемь лет она была замужем. А пять из восьми занималась воспитанием дочки. Когда-то, закончив школу, Кира поступила в медицинский колледж. Но по специальности поработать толком не успела - вышла замуж.

Однажды Виктор, экспедитор, водитель и очень интересный мужчина, окликнул ее, когда она шла по двору поликлиники.

- Ты во сколько сегодня заканчиваешь работать? - без всякого вступления поинтересовался Виктор.

- А что? - спросила Кира.

- А то не понимаешь, - хмыкнул Виктор.

Кира остановилась: она давно заметила, что водитель посматривает на нее, старается громко пошутить и всячески обратить на себя внимание. Кире нравилось его внимание, но не нравились бесцеремонность и самоуверенность. Вот и сейчас она, все-таки стараясь не быть очень серьезной, сказала:

- Я не очень догадливая. Да и объяснить, как мне кажется, несложно.

Виктор замолчал - у него был ограниченный выбор сценариев. Можно было присвистнуть и махнуть рукой на непонятливую, можно было сразу же попытаться поцеловать, можно было... Впрочем, на этом ходы заканчивались. Кира же спокойно смотрела на него и ждала, что будет дальше.

- Ну, сходим вечером куда-нибудь... - промямлил Виктор.

- Сходим, - легко согласилась Кира, а про себя решила, что ни за что на свете не будет встречаться с таким парнем. Во-первых, грубоват. Во-вторых, нахален. В-третьих, как она успела заметить, ничем, кроме своей «Газели», похоже, не интересуется. «Скучно...» - подумала Кира, представляя предстоящее свидание.

- Ну так как? Встречаемся вечером? - переспросил Виктор.

- Ну да... - сдержанно ответила Кира.

Время, которое они провели, было похоже на летние душные сумерки с обилием комаров. Так было томительно и вязко. Беседа не клеилась, разговор, не успев начаться, обрывался. Виктор пытался шутить, но выходило грубо и неумно. Наконец Виктор попытался обидеться, а Кира - попрощаться, как их вдруг окликнули.

- Витя, тебя просто не узнать! - Мать Киры, Антонина Васильевна, неожиданно появилась из-за угла.

- Да, - засмутился неожиданно Виктор.

- Как мать? Здорова ли? Ты привет передавай, будет время, зайду к ней.

– Хорошо, обязательно, – кивнул Виктор.

– А что это вы ходите кругами? Холодно... да и тучи. Заходите чай пить! – Антонина Васильевна строго посмотрела на дочь.

Кира тут же стала гадать: за что же ей влетит? За то, что на свидание с Виктором пошла, или за то, что человека чаем не напоила.

Лучшим временем этого их первого свидания была дорога домой и чаепитие. Говорила в основном Антонина Васильевна. Говорила много, втягивая в беседу Виктора, подшучивая над Кирой, незаметно объединяя их. В дом они вошли уже с другим настроением и чай накрывали дружно, растеряв в хлопотах настороженность. Сидя за столом, Кира удивлялась разговорчивости матери. Даже смех ее стал громче. Впрочем, уже все хохотали, когда выяснилось, что в наливке, которую поставила Антонина Васильевна, завелись мухи, поэтому и чокнуться нечем, кроме как квасом.

– Так, Витя, ты давай домой собирайся, час уже поздний, – спохватилась за полночь Антонина Васильевна. – Ох, как хорошо мы посидели, все новости я узнала. А то от Киры моей ничего не добьешься. Кстати, я завтра работаю, но с утра соберу гостинцы твоей маме. Поэтому заезжай к нам к пяти, Кира с тобой поедет, привет от меня матери передаст. Ну, и кое-что еще.

Так, устроив своей дочери новое свидание, Антонина Васильевна проводила Виктора за ворота.

– Мама, это что было? – возмущенно спросила Кира мать, когда та вошла в дом.

– Где? – невозмутимо поинтересовалась Антонина Васильевна.

– Мам, ты все понимаешь. Куда это я должна завтра ехать с этим Виктором?!

– К его матери, передашь ей кое-что.

– Он сам не может этого сделать? Ты что меня, за дуру держишь?

Антонина Васильевна молча убрала посуду со стола, поправила скатерть и спросила:

- Тебе сколько лет? И где ты собираешься мужа искать? В нашей деревне? Или в Москву поедешь? Или в поликлинике своей встретишь?

- А если я не хочу замуж?

- А как ты можешь знать - хочешь ты или нет? Ты же ни разу не была замужем? Вот сходишь, узнаешь, посмотришь. Не понравится...

- Разведусь?

- Если дети будут - разводиться нельзя. - Антонина Васильевна посмотрела на дочь.

- Mam, мне он не нравится. Он грубый, и шутки у него дурацкие. И с тетками в поликлинике он вечно заигрывает. Противно.

- Ты же его совсем не знаешь. Может, ты ошибаешься. И ведет он себя так, потому что старается тебе понравиться, но не знает как...

Кира молчала.

- Дочка, - Антонина Васильевна обняла Киру, - он симпатичный, непьющий, работающий. Я давно знаю их семью. Они порядочные люди, примут тебя как родную. Приглядишься к Виктору.

Как часто женщина следует чужим советам, примерам? Сплошь и рядом. Вокруг подруги, коллеги, родные люди... Все ли желают добра? Как правило, многие. И можно бы прислушаться, но всегда ли мы помним о разнице в характерах? Часто ли мы, выслушивая и принимая совет, помним о том, что картинка в глазах другого человека совершенно иная? И что, руководствуясь самыми лучшими пожеланиями, человек, сам того не желая, делает неверные прогнозы на будущее, морочит голову, поскольку оценивает ситуацию совершенно иначе. Спустя годы Кира Стрельцова уяснит раз и навсегда, что советы - это самое вредная и ненужная вещь. А пока она, чуть принаряженная, ехала в машине и

слушала бесконечные байки Виктора. Надо сказать, что домашнее чаепитие повлияло на его поведение. Исчезла неуместная лихость, мужская заносчивость. В тоне появились спокойные нотки. Кира наблюдала за попутчиком и с грустью думала, что мать права. Извечная женская проблема: еще немного – и замуж ее уже никто не позовет. И если для городской жительницы это вовсе и не такая беда, то здесь, в ее родной Вяземке, по-прежнему за глаза нет-нет да и назовут седой макушкой. А быть старой девой Кире не хотелось.

Свадьбу сыграли через полгода, и на ней гуляла вся деревня. Антонина Васильевна постаралась все сделать так, как полагается, как принято. Чтобы никто не судачил, не шушукался, не осуждал. Все было в меру, как положено, согласно обрядам и традициям. Свадьба Кире Стрельцовой была точной копией свадьбы ее подруг.

Время после свадьбы полетело со скоростью звука. Строительство дома, беременность, токсикоз, рождение дочери, памперсы, коляски, поликлиники. Кира нянчила дочь, Виктор зарабатывал деньги. Зарабатывал хорошо, больше, чем многие в деревне.

– Как же тебе удастся? Вон у девчонок мужики без работы сидят, – с удивлением спрашивала Кира.

– Так они работать не хотят. И потом, что за привычка всем с халявой потакать?

– Это как?

– Друзьям то сделай, соседям это сделай, а платить – не платят. А если и рассчитаются, то не сполна, так, символически. А то и бутылкой. А на кой ляд мне бутылка? Мне деньги нужны.

– Понятно, – отвечала Кира, – но с соседями и друзьями деньги брать как-то неудобно...

– А счет дружбу не портит! – говорил гордый Виктор. Эту пословицу он услышал от одного человека, которому привозил мебель. И так она ему понравилась, что он теперь ее повторял постоянно.

Кира думала по-другому, но давно уже оставила привычку спорить с мужем. Они оказались такими разными, что прежде, чем доказать что-то, приходилось переворачивать абсолютно все «мировоззрение» мужа. А это дело было долгим, хлопотным, как правило, заканчивалось ссорой. Виктор не любил уступать. Он любил Киру, обожал дочку, но его собственные принципы были чем-то вроде фундамента, на котором строилась его жизнь.

В деревне Виктора не любили, насмешливо называли «начальником», намекая на высокомерие, любовь к замечаниям, покровительственный тон. Просто поговорить или договориться о чем-либо с Виктором было невозможно. Он никогда не давал прямого ответа, не говорил ни «да» ни «нет» и обязательно рассказывал длинную поучительную историю. Оставалось только махнуть рукой и отойти. К тому же соседи, безусловно, завидовали его удачливости и умению зарабатывать. Окончательно отношение к нему испортились, когда Виктор устроился водителем к одному из новых деревенских соседей.

На краю деревни издавна стояла птицеферма – длинное здание из красного кирпича с большими окнами. В девяностых куры исчезли, стекла треснули, шифер на крыше позеленел. И так бы и развалилось окончательно здание, если бы не купил его богатый человек с амбициями. Отгородившись от деревни забором, он восстановил здание фермы. Построено оно было на совесть, надо было только подправить, подремонтировать. Деревенские ходили, заглядывали в щели забора, но так и не могли понять, что же там будет. Догадки были разные, но все сходились в том, что новый сосед опять разведет кур. Многие даже потирали руки – вот тебе готовая работа, и не надо ездить в Москву. Однако шло время, новый сосед ни с кем не общался и не пытался подружиться. Народ возмущался такому неуважению. А тем временем в ворота бывшей птицефабрики заезжали машины с песком, землей, потом потянулись длинные большегрузы на мягком ходу. Эти машины двигались осторожно, словно везли хрусталь. Время шло, но птицеферма была окутана по-прежнему тайной.

– Интересно, что же там делается? – спросила как-то Кира.

– Дом строится. Ну, типа усадьбы, – как ни в чем не бывало ответил муж.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Кира.

– Был там вчера. Я уже две недели помогаю на «птицеферме». Работать у них буду, наверное.

– У кого?!

– У новых соседей. Там теперь большой дом строится, шикарный, – Виктор вздохнул, – там столько места...

– А кто же там жить будет?!

– Семья. Александр Петрович с женой. У него бизнес в Москве.

Кира с удивлением уставилась на мужа. Во-первых, как ему удалось все держать в тайне? Во-вторых, как с его характером он смог сблизиться и завоевать доверие незнакомого человека? И наконец, как он умудрился получить эту работу?

– А почему ты мне ничего не сказал? – обиделась Кира.

– Ну... не был уверен... – отмахнулся муж.

Забегая вперед, надо сказать, работа у новых соседей оказалась очень доходной. Виктор ходил гоголем, с соседями стал говорить сквозь зубы и постоянно употреблял оборот «мы с Петровичем», намекая на деловую близость с работодателем. За это время Виктор успел продать свою старую «Газель» и купить ладный пикап для средних перевозок. В доме появилась новая бытовая техника, новая мебель. В разговорах с женой Виктор обязательно подчеркивал свою успешность, деловитость и находчивость.

– Никого из местных Петрович не позвал к себе работать. Только меня. Разбирается человек в кадрах, – любил говорить Виктор. И Кира соглашалась – да, это было необыкновенное везение, удача и, наверное, какая-то закономерность.

Очень скоро Стрельцовы стали откладывать деньги. Суммы, как говорил Виктор, были приличными. Кира радовалась такой предусмотрительности. Правда, Виктор иногда поднимал палец и произносил назидательно:

– Дочке будем откладывать на свадьбу. И дом нужно будет построить молодоженам. Но молодые тоже должны что-то делать. Во всяком случае, зятю я ни копейки не дам. Пусть сам зарабатывает и жену содержит.

И, забегаая вперед, надо сказать, что это благоденствие длилось недолго. Два года пролетели как миг, и в один прекрасный день Виктор получил расчет.

– Прости, уезжаем, – вручая конверт с деньгами, сказал ему Александр Петрович.

Да, новые соседи прожили в деревне недолго. Старая птицеферма, превращенная в добротный красивый дом с цветником и садом и даже скульптурой в виде огромного коня, в деревенской молве так и осталась птицефермой. Когда начинали рассказывать об Александре Петровиче, то говорили именно так: «Тот, который с птицефермы». Что послужило причиной отъезда Александра Петровича, никто не знал, но Кира вздохнула с облегчением, когда Виктора рассчитали. Потому что не было дня, когда бы Виктор не произнес: «Вот у Петровича в доме положено...» Дальше перечислялось все, что было так удивительно и что Виктору хотелось внедрить дома. Пока речь шла о бытовой технике, механизмах и приспособлениях, Кира молчала, но когда Виктор посоветовал ей выходить к завтраку в юбке и блузе, Кира разозлилась.

– Может, тебе совсем к Петровичу переселиться? – спрашивала она ядовито.

После увольнения Виктор замолчал. Кира, которая ничего не знала о причинах произошедшего, постаралась разговорить мужа.

– Не переживай, у тебя же есть твоя основная работа, ты можешь опять перевозками заняться, можно заказы брать. Да и проживем мы, с голоду не помрем...

– Я разберусь, занимайся ребенком! – отрезал Виктор, не дослушав жену.

Кира давно замечала за мужем обособленность в деловых и денежных вопросах. И хотя в доме был относительный достаток, ей не нравилось то, что на любую покупку надо просить у Виктора деньги. На хозяйство он выделял приличную сумму, но и не ленился спрашивать отчета за потраченные деньги.

– Мам, я так не могу! Он что, мне не доверяет? Мы же одна семья! – как-то пожаловалась Кира матери. Но Антонина Васильевна встала на сторону зятя:

– Ты не работаешь, с ребенком сидишь. Деньги зарабатывает он. Да и вообще все на его плечах! Поэтому он и боится, что ты транжирить будешь.

Кира с недоумением посмотрела на мать – таким странным показалось ей это заступничество. Ведь это естественно, что муж и жена все планируют вместе и тратят вместе. А Кира, видя, как хмурится муж, отсчитывая деньги, вскоре перестала обращаться к нему с просьбами. И первая крупная ссора случилась именно в этот день, когда Виктор рассказал про новых соседей.

– Жаль, очень жаль, что ты не посоветовался со мной, – сказала она резко, – я ведь собираюсь на работу выходить. Леночка уже вполне может в садик ходить. И мама не против с ней посидеть.

– Не выдумывай, – не поднимая головы от тарелки, произнес муж, – сиди дома. Все есть. А будет еще больше.

Кира промолчала, потом отложила ложку и вышла из кухни.

В ответ громко хлопнула дверь. Виктор уехал, не пообедав и не попрощавшись.

Весь день Кира ругала себя за несдержанность, за то, что не сумела спокойно объяснить мужу, что ей уже давно пора чем-то заняться. И дело было не только в деньгах, дело было в ней, в ее характере, в ее старых планах. Кира никогда не строила воздушных замков и не мечтала о головокружительной карьере, но работать ей хотелось.

– Послушай, ты должен понять... – Через несколько дней молчания Кира решила заговорить с мужем.

– Не хочу ничего слушать, – оборвал он ее, – сиди дома. Чего тебе не хватает? Мы что, плохо живем? И будет еще лучше. Только не мешай мне!

– А как я тебе могу помешать?! – оторопела Кира.

– Занимайся домашними делами. Вот это значит – не мешать. А я буду зарабатывать деньги.

– А то, что я хочу работать, – это не считается?

– Не считается! Твоя работа – дом. – Виктор был непреклонен.

Кире даже показалось, что он получает удовольствие от своего упрямства. Впрочем, муж знал, что Кира в западне – работы в деревне не было. Надо было устраиваться или в соседнем городе, или ездить в Москву. Такой расклад был возможен, только если кто-то будет помогать. Виктор уже успел навеститься к Антонине Васильевне и заручиться ее поддержкой.

– Что дадут ее поездки в Москву? Да она проездит больше, чем заработает! И опять же, Леночка! Зачем ей в сад ходить? Дома с матерью лучше.

Антонина Васильевна соглашалась – в ее глазах Виктор выглядел разумным и заботливым.

– Я согласна. Ты прав! – поддержала она зятя.

И теперь в разговоре с женой Виктор совершенно отверг всякую попытку договориться.

– А как же моя работа? – произнесла Кира растерянно. Она некстати вспомнила, как она не хотела замуж. «Вот, мама, я не ошибалась. Замужем мне плохо!» – думала Кира про себя и утешалась только, когда входила в детскую к дочке.

И вот после таких успехов, такого «особого статуса» Виктор оказался не у дел. Конечно, работу можно было найти, но исключительное положение подле Петровича сделало Виктора капризным и недалёковидным.

В доме наступило время жесткой экономии.

– Ты вообще будешь устраиваться на работу? – как-то спросила она Виктора.

– А тебе-то что? – последовал ответ.

- Надо думать, как жить дальше.

- А что тут думать? Надо просто хорошо считать расходы. Нельзя быть транжирой.

Кира аж задохнулась: она сэкономила каждый рубль, таскала от матери компоты и овощные консервы, покупала самое дешевое молоко, а муж ей советует экономить!

- Может, ты попробуешь? - спросила она язвительно.

- Попробую.

И он попробовал. Теперь между редкой «халтурой» Виктор мотался по оптовым базам, покупал продукты. Пересмотрел семейное меню, заправлялся на дешевой заправке и вообще старался урезать бюджет до минимума. Исчезли поездки в кино, гости, дочку не возили в театр, не покупали книжки и игрушки.

Кира наблюдала за всем этим с тревогой. Она беспокоилась, что ее муж Виктор, поглощенный решением краткосрочных задач выживания, не имеет времени и желания решить задачу главную - найти хорошо оплачиваемую работу. Киру это злило и пугало. Однажды она не выдержала и на очередной призыв «купить дешевле» ответила:

- Не экономить надо, а зарабатывать! И тебе, как мужчине, это хорошо бы понимать.

Удивительно, но это фраза отрезвила Виктора, вскоре он устроился в автопарк, где получал очень небольшие деньги. Иногда брал частные заказы, и теперь они хоть как-то сводили концы с концами. Кира, уже не слушая мужа, вернулась в поликлинику, а потом познакомилась с Людой Вороновой....

- Не переживай, мы не всегда выходим замуж за тех, за кого надо. Что-то вдруг случается с нами, и мы словно сами в петлю лезем. А потом начинаем ножками дрыгать, чтобы спастись, - проговорила Люда, видя, что Кира расстроено молчит.

– Я думала, что устала переживать. Что вообще не буду реагировать. А не получается.

– Это хорошо, – кивнула Люда, – значит, будешь бороться.

– С ним? С Виктором? – ужаснулась Кира.

– Нет, что ты! Будешь бороться не с кем-то, а за себя! И что-то мне подсказывает, что сейчас начинается первый раунд этой борьбы.

Кира только пожала плечами.

В специальном магазине они купили все необходимое. Когда Кира шила первую сумку, она все точно разузнала про работу с кожей и замшей. Иглы она взяла с трехгранным острием – такие справляются даже с плотной кожей. Еще Кира выбрала большие ножницы, специальный нож, который назывался сапожным. Именно им полагается резать замшу и кожу. Они купили эластичные нитки четырех цветов: черные, коричневые, рыжие, синие, и капроновые – для ручной отделки. Еще клеевую ленту, клей резиновый и ПВА.

– Зачем клей? – спросила Люда.

– Иногда швы можно просто проклеить.

– Будет держаться?

– Да, так будет аккуратнее. А укрепить можно специальной лентой.

Воронова посмотрела на Киру с уважением.

– Я думала, ты действительно от нечего делать эту свою сумку сшила, на авось, а ты, оказывается, все разузнала.

– Хотелось все сделать на совесть, – откликнулась Кира.

Потом они выбрали атлас для подкладки и множество всякой фурнитуры – заклепочек, винтиков, гвоздиков. Они проконсультировались с продавцами и купили кальки, портняжных мелков и булавок.

– Дай мне, пожалуйста, чеки, – сказала Кира, видя, как Людмила оплачивает покупки.

– Возьми, – не стала спорить Воронова, – но только зачем они тебе?

– Если сумка не получится, я тебе эти деньги верну.

– Хорошо. Дело есть дело, – согласилась Людмила.

Вернулись они поздно – Людмила потянула Киру в кафе. Кира, помня, что у нее в кошельке совсем немного денег, попыталась отказаться, но Воронова была неумолима:

– Не будь ребенком. Мы устали, надо передохнуть. Я давно хотела тебя пригласить куда-нибудь.

– Ты и так за работу очень хорошо платишь, – сурово сказала Кира.

– Есть вещи, которые оплатить невозможно. Например, деликатность, понимание, чуткость, дружеское отношение.

Кира смирилась. Они уселись за столик на верхнем этаже огромного магазина, заказали кофе, салат, пирожные.

– Хорошо здесь, – выдохнула Кира. Она двести лет не была нигде. В лучшие времена Виктор отказывался ходить по кафе, а уж теперь-то и вовсе видел в этом преступление. А Кире так хотелось иногда нарядно одеться, посидеть за столиком, посмотреть на людей, а главное – никуда не спешить.

– Люда, я спрошу у тебя. Хочешь, отвечай, нет – не надо. Не обижусь.

– Спрашивай.

– Кто у вас деньгами заведует? Кто решает, что купить, а что не покупать?
Наверное, муж твой, Сергей?

Людмила задумалась:

– По-разному бывает. Большую часть мелких проблем решаю я. Покупку мебели или машины, понятно, он. Но он же зарабатывает.

– Понятно. У нас почти так же.

– И тебе это не нравится?

– Да, очень тяжело. К тому же Виктор бывает... – Кира замялась. Она не любила выносить сор из избы.

– Можешь не объяснять. Понимаю. Могу дать совет.

– Какой? Развестись?

– Что ты?! У вас дочка.

– Ты как моя мама.

– Ну, она же права. Попробуй ситуацию немного изменить.

– Я завишу от него. Не так, как несколько лет назад, но все равно.

– Странный ты человек, – улыбнулась Воронова, – проблему понимаешь, но решения не видишь. Так не бывает.

– Как? Я работаю, получать больше я не могу, хоть тресни. Хорошо, мама с Леночкой иногда сидит... Ох... – Кира вдруг спохватилась и густо покраснела.

Она только сейчас сообразила, как бестактен разговор, который она завела. Люда Воронова – ее работодатель, она ей деньги платит. И теперь получается, Кира жалуется на нехватку денег.

– Но дело даже не в деньгах, дело в том, что Виктор словно чужой. Посторонний. Вроде заботится, но... Лучше бы не заботился, – нашлась Кира.

– Иногда мужчины пользуются тем, что жены от них зависят. И позволяют себе.

– Ага, а если жена будет независима, мужа это остановит? Интересно, зачем мне муж, который меня боится? Или опасается? Или просто считается с моей силой? И почему так должно быть в семье?

– Потому что семья – это то же соревнование, тот же офис, где собрались люди с амбициями и стараются завоевать место под солнцем.

– Если так, то любовь – совершенно лишняя штука.

– Не всегда она бывает. Вот нам с тобой, например, она не встретилась. – Люда отпила кофе из чашки.

Кира с изумлением посмотрела на нее. Бывая в уютном, звенящем от детских голосов и полном дорогих, красивых вещей доме, не раз наблюдая за общением супругов, Кира и подумать не могла, что и там нет счастья.

– Неужели! Я бы никогда не подумала! – воскликнула Кира.

Вернулась Кира поздно. Муж демонстративно не встал с дивана и не встретил ее. Телевизор орал во всю мощь, на кухне была оставлена грязная посуда. Кира положила покупки на стол, постояла, потом решительно прошла на террасу. Это была небольшая комната с узорчатым стеклом по двум сторонам и с отдельным выходом. На террасу можно было попасть из дома и из сада. Летом здесь было прохладно, а зимой тепло: рамы были двойными, стены утепленными. Стоял небольшой диван, стол с двумя стульями, маленькая этажерка и пузатый комод с множеством отделений. Кира померила шагами террасу и решительно вернулась в дом. Через некоторое время она внесла старый торшер, красивую скатерть, две картинки в красных рамках. Еще она принесла маленькие подушки – цветные наволочки она сшила от нечего делать, когда была беременной. Маленький электрический чайник, любимые чашки, яркие тарелки, ложки, салфетки – все это разместилось в одной из секций комода. Самым сложным

было втащить старую зингеровскую ножную машинку. Колесики скрипели, проворачивались, машинка упиралась, словно старая коза. Муж с дивана искоса следил за этой борьбой, но голоса не подал и не помог. Наконец Кира втащила машинку и поставила ее в угол. «Отлично! И очень даже уютно!» – подумала она. Действительно, терраса преобразилась. Из помещения, где вечно оставляли, приходя с улицы, резиновые сапоги, сандалии, сорванные букеты и ведра, она превратилась в уютную мастерскую – еще старые занавески в мелкий цветочек, желтый свет торшера, диван с подушками, стопки книжек на этажерке. Кира плотно задернула занавески, потом с минуту помедлила и решительно прикрыла «домашнюю» дверь. Шум телевизора стих, теперь слышен был сад, по которому гулял летний ветер. Кира почувствовала облегчение – словно закрытая дверь отделила ее от чего-то неприятного и совершенно неразрешимого.

– Что это ты устроила на террасе? – спросил утром муж.

– Я там буду работать.

– Чего? – В голосе Виктора послышалась насмешка.

– Шить, вышивать, штопать. Там удобно. Тебе не буду мешать, если ты ляжешь спать. Да и вообще, мало ли... Например, из моих платьев можно Леночке платьица сшить. Или юбочки. Что они лежат, вон целый шкаф.

– А я тебе всегда говорил! Деньги на ерунду эту тратишь. А теперь все это порежешь, и носить никто не будет!

– Почему это?

– Потому что шить ты толком не умеешь.

– Я училась. И раньше могла даже маме халат сшить.

Кира замолчала. Она очень не хотела ссориться, препираться. У нее сегодня был выходной, и ей нужно было хорошее настроение, чтобы сесть и нарисовать новую сумку. У нее не так много времени, и ей не хотелось подвести Люду. А еще ей нельзя было испортить работу, потому что вернуть Людмиле деньги за материалы не было возможности. Поэтому надо обязательно сшить эту сумку из

синей замши.

- Ладно! Шей, если времени много! - великодушно разрешил муж.

- Витя, терраса - это теперь моя мастерская. Такая же, как твоя в гараже. Куда никто, кроме тебя, не имеет права войти и что-то взять. И еще я там буду не только шить и вышивать, я там буду читать, учиться рисовать.

- Ты чего, жена?! Какая еще мастерская? Не смейся. У тебя ребенок у бабушки неделями да в детском саду. Ты с дочерью не успеваешь заниматься!

- А ты? Ты успеваешь? И кстати, ты врешь! Я успеваю заниматься с Леной! А ты - нет!

- Я работаю!

- И я работаю! И я получаю больше тебя сейчас! - выпалила Кира. Она протянула мужу бумажку с цифрами.

- Что это ты мне суешь? - скривился он.

- Это то, что получила я. И то, что принес домой ты. У меня больше!

- Ты забыла, как дома сидела и горя не знала, пока я у Петровича работал?! - вскочил Виктор.

- Это твой единственный в жизни «Петрович», как я понимаю. И мы, твоя семья, будем жить воспоминаниями. И по-идиотски экономить, тратя на бензин больше, чем на те скидки, за которыми ты гоняешься.

- Ты совесть поимей!

- А ты не трогай меня! Я ни разу ни в чем не упрекнула! Я старалась помочь! Ты не слушал меня! А теперь я не буду слушать тебя! И буду заниматься тем, чем считаю нужным!

Кира выдохнула:

– Я бы не хотела с тобой ссориться, но я отказываюсь терпеть от тебя грубость... И пойми, прежней жизни в доме не будет.

Кира положила мужу кашу и вышла из кухни. Пройдя на террасу, она почувствовала себя счастливой. Не надо было больше врать, притворяться, делать вид. Она сказала всю правду. А что будет с этим делать Виктор – это его дело.

Синяя замша действительно была красивой и мягкой. Кире не хотелось выпускать из рук лоскуты. Но она опомнилась: «Могут остаться жирные пятна! Пока я сошью сумку, она окажется замасленной! Что же делать?! Надо было купить специальные перчатки! А пока и хирургические сгодятся...» Кира достала дочкин альбом и карандаши и, удобно устроившись за столом, провела первую линию.

С речки доносился шум моторки и голоса. Фыркали машины, взбирающиеся в горку, соседи переговаривались, и сильно пахло травой. Кира подняла голову и посмотрела в окно. Это утро было ясным и неожиданно ветреным, их дуб, обычно такой солидный и неповоротливый, вдруг размахался ветками, и листья его шуршали словно жестяные. Кира оперлась локтями о стол и стала рассматривать сад. Он был словно картина в раме окна. Кусок клубничной грядки, смородина, топинамбур...

Она продолжала наблюдать за садом и вдруг вспомнила, как ходила с отцом на речку. Это мама собиралась на речку загодя и тащила на берег целую сумку: старое одеяло, чтобы загорать, сменный купальник для Кире, большую бутылку с кипяченой водой, термос с чаем, кучу снеди. И хотя их дом находился в пяти шагах от реки, никто не мог убедить маму поступать иначе. Отец был легок на подъем и не обременял себя лишними вещами. Они шли всегда с пустыми руками, купальные принадлежности надевали дома, в руках отец нес только маленький газетный сверток с бутербродами. Бутерброды он делал сам – маленькие квадратики из черного и белого хлеба. На белом был сыр, на черном – одесская колбаска. Кира, накормленная за завтраком до икоты, уже по дороге на речку мечтала об этих бутербродах. Что в них было такого удивительного, ни сейчас, ни тогда она не понимала. На речке действовало одно-единственное правило – в воду можно только с отцом. Он садился на песок, ноги погружал в воду, а рядом плескалась Кира. Как пролетал день, она не замечала. Отец знал

столько историй про рыб, животных и растения и так умел это рассказывать, что Кира, боясь пропустить хоть слово, не отходила от него ни на шаг.

Возвращались они, когда от холода начинали бегать мурашки по коже. Все собранные Кирой за день богатства – ракушки, камешки с отпечатками, веточки интересной формы, поникшие кувшинки и лилии – отец бережно укладывал в свою рубашку. Рубашку он завязывал узлом, надевал на палочку и отдавал Кире. И Кира шла с узелком, словно путешествующий Чиполлино.

Через минуту она уже рисовала в альбоме дочери. Кира понимала, что в мире полно сумок такой формы, но для нее это будет первая. Рисовать было легко – достаточно было начертить квадрат, пометить точки соединения его углов, прикинуть основные параметры. Выкройку из бумаги она сделала быстро и, разыскав подходящий лоскут, сшила образец.

– Ерунда какая-то, – Кира критически осмотрела получившееся изделие, – не узелок, не торба, не сумка, не мешок.

Огорченная Кира вышла в сад и присела на крыльцо террасы. Образец из ткани получился аккуратным, но совершенно бесполезным. Кира сходила за линейкой и тщательно измерила все стороны. «А может, все дело именно в этой правильности. Папа же завязывал рубашку. Может, раскроить рубашку, а потом собрать ее?!» Разложив перед собой для наглядности рубашку Виктора, Кира вырисовывала детали. Выкройка получилась похожей на застегнутую рубашку с длинными рукавами, но без воротника. Кира добавила с каждой стороны по глубокой вытачке и перевела рисунок на ткань. Сметывала она быстро – не терпелось узнать, что же получится в итоге. К ее удивлению и радости, получился тот самый чуть продолговатый узелок, который она несла с речки. «Класс!! Теперь надо понять, как пришивать ручки».

Солнце село за лесом, Кира успела сбегать к матери, проведать дочку, отнести миску бело-розовой клубники, поставить вариться курицу, но ручек у сумки не было. Самое главное, что придумать Кира ничего не могла. Все варианты, которые она попробовала между делом, все портили. Сумка получалось неудобной, несимпатичной, абсолютно бесформенной.

– Ужинать садись, – позвала она мужа, приехавшего с работы.

- Спасибо, - неожиданно произнес Виктор, а Кира чуть не выронила из рук поварешку.

- На второе гречка с грибами. Сам возьми, пожалуйста.

- Конечно, - опять приветливо произнес муж и добавил: - Я там деньги на стол положил.

- Какие деньги? Зарплата же через неделю.

- Халтура. Перевозил офис.

- Здорово! - с чувством произнесла Кира, - вовремя! Ты ужинай, я пойду, у меня что-то не получается ничего!

Не дождавшись ответа, Кира скрылась на террасе.

Злополучный образец она вертела в руках, но так ничего в голову не приходило. Любой ремешок, цепочка, широкая полоса - да что угодно, пришитое к узелку, только портило картину и делало предмет бестолковым. «Господи, да что же это?!» - Кира почему-то запаниковала, силясь решить эту задачу. Ей показалось, что самонадеянность, с которой она вступила в это дело, погубит ее. Кира прошла по террасе, потом сходила и достала все свои сумки. Их было совсем немного, они были дешевыми и очень простыми.

- Я поел, в гараже буду, - постучал муж.

- Что? Не слышу... - отозвалась рассеянно Кира.

- Я буду в га... А зачем тебе моя рубашка? Она же новая! - Виктор указал пальцем на стол.

- Я выкройку делала с нее. Можешь взять. Или я сама потом повешу в шкаф.

- Да ладно, повешу. - Муж прошел к столу и взял рубашку за два связанных рукава.

Кира посмотрела на него в этот момент и рассмеялась.

- Ты чего? - недовольно оглянулся муж.

- Все хорошо, просто замечательно! Ты мне подсказал, что надо сделать!

«У этой сумки не будет ремешка - ни длинного, ни короткого. У нее будет ручка в виде завязанных «рукавов». Они будут коротко связаны, сумку надо будет носить в руках. Остальные стороны я присборю, чуть-чуть обошью по краю такой же замшевой полоской. Сумка будет иметь форму мягкой корзинки и завязанными ручками».

Кира бросилась шить еще один образец. Ей пришлось немного удлинить «рукава», расширить внутренние вытачки и сделать выкройку обтачки. Все было готово поздно вечером. Кира посмотрела на результат и поняла, что сумке требуется дно. Следующие три дня Кира училась кроить и сшивать сумку из нескольких деталей. Когда оставалось четыре дня, Кира с замиранием сердца разложила на столе куски синей замши.

Глава 3

- С ума сойти! - Люда Воронова приняла у Керы красивую коробку. Она достала пакет из вощенной бумаги. - Как ты упаковала! Это просто бренд!

- Ты сначала сумку посмотри, а потом восторгайся! - Кира покраснела от волнения.

Люда зашуршала бумагой и вынула аккуратное замшевое «лукошко», у которого вместо ручки были два свободно завязанных конца. Концы имели скошенные срезы, которые заканчивались золотистыми металлическими уголками. Люда аккуратно повертела сумку и заглянула вовнутрь.

- Там и кармашек есть! - воскликнула она.

- Да, а на кармашке фирменное клеймо.

– Ах, точно! Что это?

– Одуванчик. Я решила, что фирменным значком будет изображение одуванчика.

– Но как ты его поставила?!

– Не спрашивай! Целая история.

Кира сначала хотела рассказать, как она нарисовала схематичное изображение цветка. Потом долго рылась в Интернете, потом, осознав, что сама с задачей не справится, побежала на соседнюю улицу. Там в доме, стоящем среди заброшенного огорода, жил Алексей Алексеевич. Когда-то он был механизатором, потом преподавал труд в школе. Сейчас, живя на маленькую пенсию, подрабатывал изготовлением всяческих украшений для дома и сада. Если кому-то нужна была красивая крыша для колодца, необычный почтовый ящик или ажурная решетка для плетущихся растений, шли к нему. Денег он брал немного, а делал прочно и красиво.

– Дядя Леша, выручайте! Мне нужен штамп.

– Это что-то типа тавро? – поинтересовался дядя Леша.

– Ну, можно считать, да.

– Ясно. Нужен хороший металл. А что будет на нем?

Кира протянула ему листок бумаги, где был нарисован одуванчик.

– Ух, – крикнул дядя Леша, – целая картина. Ты вот оставляй до завтра. Твое счастье, что чеканкой занимался в свое время. Я попробую чуть подправить и потом на пластину перенесу. Короче, приходи послезавтра утром.

Кира прибежала к дяде Леше ни свет ни заря. К этому моменту она почти закончила сумку, оставался только внутренний карман и подкладка. Без своего фирменного знака дошивать сумку ей не хотелось.

– Рано ты, но проходи, все готово, – сказал дядя Леша и протянул ей маленький тяжелый штампик.

– Красота какая! – Кира даже не представляла, что эту штучку можно сделать так красиво. В руках она держала настоящий штамп, рисунок цветка был четким, глубоким и почти соответствовал тому, что Кира отдала дяде Леше.

– Да, получилось. И чтобы тебе удобно было, я сделал ручку из эбонита. Тебе зачем этот одуванчик нужен?

– Я сумку сшила, мне захотелось ее украсить.

И сейчас, наблюдая за Людой Вороновой, она поняла, что этот самый одуванчик был последней и очень важной деталью.

– Слушай, а ведь здорово получилось! Просто супер! Я не знаю, как там швы и вообще все правила этого искусства, но сумка – класс!

– Спасибо, – Кира рассмеялась, – я могла бы и раньше сделать, но пришлось несколько раз перерисовывать и перешивать образцы.

– Ты молодец. Отличный подарок! И упаковала тоже хорошо.

– А знаешь, безликая упаковка – это проблема. Обычную белую картонку не найти.

– Над этим надо будет подумать!

– Что ты имеешь в виду?

– То, что у меня есть еще один заказ для тебя, теперь детский.

– Люда, я не собираюсь заниматься сумками. Я успела обо всем подумать. Как хобби, несколько раз в год – с удовольствием. Но превращать это в профессию... У меня дома непростая ситуация, дочка подрастает, она требует времени,

внимания. И потом, одно дело, например, вышивать. Хорошо получилось, можно подарить. Плохо – себе оставить. А с сумками что делать? Да и кожа стоит намного дороже, чем канва и мулине.

– Я просто вижу, что у тебя хорошо получается. И потом, ты училась шить – все ровно. Не кустарная работа, хоть ты и волновалась на этот счет.

– Нет, Люда, не готова я. И, знаешь, еще ведь настроение нужно. Такое особенное. А когда в доме что-то не так, душа не на месте – сосредоточиться невозможно.

– Как знаешь, – Воронова развела руками, – жаль, что такое умение пропадает. Я, как только твою первую сумочку увидела, сразу поняла, что ты сможешь. Но понимаю, дело тонкое. Хоть детские сделаешь?

– Подумать нужно... сложная ли работа?

– Там все просто: девочки-близняшки, по пять лет. Удивить их ничем невозможно, их родители – люди богатые. А вот сумочки авторские нужны. Дети взрослых копируют – платочек положить, конфетку...

– Люда, а что, родители не могут найти что-то соответствующее положению? Мало детских магазинов?

– Родители могут все, хотя в магазинах не всегда найдешь оригинальную вещь. Для определенной категории это важно.

– Вот мне наплевать, – задумчиво сказала Кира.

– И мне. Почти, – рассмеялась Люда, – но оригинальные сумочки я хочу им подарить. Понимаешь, не покупать там, где они бывают и все видят, а от такого мастера, о котором они не подозревают.

– Ох, Люда... – Кира растерянно замолчала.

– Ладно, ты подумай, время есть еще. Правда, немного. Ты мне позвони, хорошо? Слушай, а теперь давай рассчитаемся. Я тебе за уборку должна, – Люда подала

Кире одни конверт, – а вот это – за сумку.

– Ой, что-то толстый конверт больно! Подожди, я тебе еще должна за расходные материалы! Давай сразу сейчас и отдам.

– Да не спеши! – замахала руками Люда.

– Нет-нет. – Кира раскрыла конверт и вынула из него стопку денег. – Люда, что это?

– Это двадцать пять тысяч рублей.

– Я не возьму! Ты с ума сошла!

– Я не сошла с ума. Я очень внимательно посмотрела в Интернете все предложения. И должна сказать, что такого уровня сумки столько и стоят. Даже дороже. Сумки из ткани, соломки, мешковины – они стоят дешевле. Из натуральной кожи и замши стоят дорого. Помимо материала, оценивается сложность работы. Кожа и замша – капризные, брак в них невосстановим. Так что я не с потолка взяла такую сумму. И потом, свой труд надо ценить. У тебя не халтура. У тебя все подогнано тютелька в тютельку, у тебя каждый стежок нарядный. Бери деньги и даже не раздумывай. Я могу себе это позволить, а тебе надо понимать, ради чего это все.

– Люда, зачем ты так упорно толкаешь меня на этот путь? – Кира серьезно посмотрела на Воронову.

– Хорошо, отвечу. Ты талантлива: рисуешь, умеешь шить, ты чувствуешь цвет. Ты упорна. Понимаешь, даже только этого достаточно, чтобы постараться изменить жизнь.

– Ты же ее не меняешь. Ты, наверное, тоже что-то умеешь? – спросила Кира.

– Не знаю, – Люда развела руками, – я все делаю средне и, если честно, мало что хочу делать. Просто плыву по течению. Оно не слишком быстрое, не бурное, иногда в тину затащит, иногда на камень наскочишь. Все буднично. Но меня это устраивает.

– У тебя хороший муж, двое детей.

– Знаешь, дети – это очень важно, но между их воспитанием и делом нет никакой связи.

Кира растерянно молчала. Вся эта история с сумкой поворачивалась неожиданной стороной. И почему-то казалось, что решение принимать надо именно сейчас. Сумма, которую дала ей Люда, была неожиданно большой. Но Кира уже знала Воронову: та любила точность, была придирчива и всегда вникала во все мелочи. Если она сейчас ей отдала такие деньги, значит, это верно – работа столько и стоит.

– Люда, вот, смотри, это чеки твои – я тебе отдаю ровно пять тысяч, – очнулась от раздумий Кира.

– Хорошо, спасибо. Ты насчет детских сумочек решила?

– Я подумаю, но мне неудобно с тебя деньги брать, – неожиданно для себя сказала Кира. Она вдруг поняла, что ей так мешало вести этот разговор. Они с Людой стали почти подругами, а это, в понятии Киры, всегда мешало делам.

– Так нельзя. То, что ты делаешь, – очень тяжелая работа. И у меня свой интерес в этом деле. Мне хочется, чтобы мои подарки отличались от подарков других. Я их делаю тем людям, в которых я заинтересована.

– Как ты думаешь, из замши или из кожи сделать сумочки?

– Из кожи. Дети же пальчиками все захватывают! За кожей легче ухаживать.

– Верно. Хорошо, Люда, я сделаю детские сумочки. Может, мы обсудим, как они должны выглядеть?

– Нет-нет, сама придумай. Там обычные избалованные особы, которых наряжают как Барби. Эдакий усредненный ужас.

Кира рассмеялась:

- Жестоко!

- Я терпеть не могу, когда из детей лепят взрослых.

- Я - тоже, - Кира вспомнила свою дочку, которая ходила в перешитых платьях и юбочках.

- Сейчас я дам тебе аванс. - Люда поспешила куда-то в комнату и вернулась с деньгами.

- Нет-нет, - замахала руками Кира.

- Да! Так я буду спокойно спать - и ты уже не откажешься от работы.

- Я и так не откажусь, - засмеялась Кира.

Вечером того же дня Кира нарисовала эскизы. Она, будучи мамой маленькой девочки и вполне себе представляющая игры, увлечения и желания современного ребенка, не стала рисовать всякие там ягодки, медвежат и зайчиков. Кира понимала, что девочка пяти лет - это маленькая женщина, во всем подражающая своей маме. Поэтому Кира открыла первый попавшийся модный журнал, изучила модные новинки. Ей не хотелось делать копию, она просто изучила тенденции, а потом нарисовала две почти игрушечные дамские сумочки с коротким и длинным ремешками. «Придется опять к дяде Леше обращаться - нужны замочки и заклепки», - думала она, прикидывая, что необходимо купить в магазине. Очень много времени у нее ушло на выбор кожи. Хотелось выбрать мягкую, но дамская сумочка должна держать форму, а Кира пока не знала, как делать жесткий каркас.

- Возьмите свиную кожу. Она плотная и выделка хорошая, - посоветовал продавец.

- Для детей сумка. Свиная кожа все-таки грубая.

- Тогда берите мягкую, и еще вам нужен специальный материал, им проклеивают изделие внутри, потом пришивают подкладку. Вот посмотрите, у нас образцы лежат.

Кира растерянно смотрела на буклеты. Синтепон, куски плотного картона, поролон и еще куча всего, чему названия она раньше и не знала.

Кира вдруг испугалась, что подведет Людю. Как сделать подгибку плотной кожи? Как обработать край? Как прикрепить фурнитуру?! Проблемы встали перед Кирой в полный рост, и уже никакого удовольствия от творчества не было. Были только вопросы и сожаление, что выбрала сложный фасон, что вообще ввязалась в это дело. Через несколько дней она собралась позвонить Вороновой и признаться, что ничего не получается. И она бы обязательно так поступила, не окажись на ее пути Дом быта, где изготавливали ключи, ремонтировали обувь и зашивали порвавшиеся сумки.

– Вы случайно сумки не ремонтируете?

– Случайно ремонтируем, девушка, – весело ответил ей мастер. Это был средних лет армянин в щегольском кожаном переднике.

– Возможно, вы мне поможете?

– С удовольствием. На всякий случай меня зовут Рафик, – дотронулся он до бейджика на груди.

– Очень приятно, меня – Кира.

– Так что случилось-то, Кира?

– Я хотела посмотреть, как проклеивается уплотнитель, чтобы сумка была жесткой. И вообще, еще есть вопросы.

– А вам зачем?

– Мне сумку надо сшить.

– Что же вы беретесь шить, а ничего не знаете! – упрекнул ее Рафик и добавил: – Привозите вашу сумку, я посмотрю.

На следующий день Кира была в мастерской у Рафика. Тот с синими, чисто выбритыми щеками, благоухающий одеколоном и в новом фартуке, похоже, ждал ее.

- Это заготовки для маленькой сумочки?

- Да, мне нужно две такие.

- Ясно, - Рафик придирчиво осмотрел то, принесла Кира.

- Все плохо? - спросила она.

- А кто вас учил шить седельным швом?

- Да, собственно, никто. Я закончила курсы кройки и шитья. А швы разные сама изучила. Просто интересно.

Кира промолчала, что тогда, давно, она долго мучилась, осваивая стежки, которые делаются при помощи двух ниток и двух игл. Седельным швом прошивали и прошивают седла и лошадиную сбрую, он в силу своей специфики чрезвычайно прочен, и в этом его отличие от машинной строчки. Именно седельным швом обрабатывают известные «Биркин» и «Келли». Да и остальные хорошие сумки тоже.

- Это сложный шов. И требует терпения. И потом, у вас есть специальный пробойник? Чтобы отверстия под стежки делать? - спросил Рафик.

- Да, я купила. Но проблема не в стежках. Я не знаю, как укрепить кожу, сделать ее плотнее. И как обработать край.

- Обрезной край называется «урез», - пояснил Рафик, - сейчас его почти не подворачивают. Его обрезают и обрабатывают воском или специальной краской. Но никто вам не расскажет, какой именно. Это у каждого мастера секрет. И в каждой фирме. Они хранят его почище золота.

- Есть «жидкая кожа».

- Можно. Но это не идеал. Если будете этим заниматься, сами себе составите формулу.

Слушая Рафика, она еще больше погружалась в пучину недовольства собой и общего раздражения. Что она вообще здесь делает?! Почему она не с дочкой на речке, не гуляет с ней по лесу, не читает книжки? Почему она не дома и не готовит вкусный обед? Муж совершенно обособился, злится на нее, почти не разговаривает! Что она, Кира, собралась делать со всем этим? Деньги? То, что Люда высоко оценила ее работу, - случайность. «Случайность и великодушие», - думала Кира.

- Знаете, вы отлично все сделали. Конечно, зря без навыка взялись за самый сложный фасон. Но все не так плохо.

- Вы - специалист? - вдруг перебила Кира.

- В каком-то роде. Мой отец сумки шил. Отлично шил. Был цеховиком, когда еще это было наказуемо. Потом зрение испортилось.

- А вы сами?

- Я - стоматолог. Но как-то не получилось устроиться по специальности. Вот мастерскую держу. Тоже неплохо зарабатываю.

- Я тоже совсем другому училась, кстати, тоже медик.

- Коллега, я вот что скажу: берете старую кожу, делаете точно такую выкройку и приклеиваете на изнаночную сторону. Потом пришиваете к каждой детали подкладку. Потом все проклеивается по швам и прошивается седельным стежком.

- И все? А ручку?

- Я сам вам сделаю. Помогу, ее же выгнуть надо на деревянной форме. Вы такое делали?

- Нет...

- Ну вот, делайте все как сказал. Потом приносите верх, я прикреплю ручку.

- А потом?

- А потом - учиться. Из вас хороший мастер выйдет. Вы аккуратны, у вас есть фантазия. Поверьте, я знаю, о чем говорю, всю жизнь среди сумок прожил.

Кира вышла на улицу и подумала, что все не так плохо. И главное, ее похвалили. Не Люда, которая только внешнюю сторону видит, ее похвалил Рафик, а он, судя по всему, толк в деле знает.

Детские сумочки Кира сшила в срок. У нее были сожжены и сколоты пальцы, появилась маленькая мозоль и исчез аккуратный маникюр. Сама того не подозревая, Кира, согласившись на этот заказ, обрекла себя на ювелирную работу. Глаза у нее болели тоже.

Люда Воронова охала и восторгалась. Кира не возражала - она сама видела, что сумочки удались. Да, методом проб и ошибок, бесчисленным количеством переделок, но она добилась своего. Сумки получились красивыми, аккуратными и оригинальными. Да, и на каждой стоял ее «фирменный значок» - одуванчик.

- Спасибо. Вот, возьми. - Люда протянула деньги.

Кира заглянула в конверт и поняла, что Воронова оценила ее работу выше, чем предыдущую.

- Бери и не раздумывай. Эта трата у меня запланированная. Я еще и сэкономила. Так что...

- Спасибо, ты очень щедро мне заплатила. Хорошо, что все получилось.

- Иначе и не могло быть. Ты умеешь это делать. А навыки - так это будет со временем... И все дела!

Домой Кира ехала в каком-то сумасшедшем настроении. У нее в сумочке лежало почти сто тысяч. Это была зарплата, выданная в поликлинике, деньги за первую сумочку и деньги за детские сумочки. Она была экономна эти дни. И вот – трудами и терпением она скопила такую сумму... Такую, что можно было тотчас поехать в Москву и купить ту самую сумку, которая так запала ей в сердце. Кира чуть не рассмеялась вслух. Она представила удивление продавщиц, лицо мужа, а главное, представила свое удовольствие от покупки. На следующей же остановке она выскочила из автобуса и пересела на идущий в другую сторону. Через полтора часа она входила в магазин, на витрине которого была волшебная замшевая сумка.

Глава 4

– Здравствуйте, я за сумкой! – выпалила Кира, – ворвавшись в магазин. Она жалела, что не поехала на своей машине и молилась, чтобы сумку не купили.

– Какую сумку? – удивилась продавщица, посмотрев на взмыленную Киру.

– У вас была такая, замшевая, большая, мягкая, на витрине лежала. И стоила она восемьдесят тысяч.

– Рит, подойди, тут о какой сумке речь? – одна позвала другую.

Подошла Рита.

– Вы меня не помните! – Кира улыбнулась. – Я смотрела сумку. Но тогда у меня... Тогда я не могла купить...

– Конечно, помню... – продавщица Рита не выказала никакого удивления, – сумка не продана. Но, должна сказать, у нее малюсенький дефект обнаружен. И она еще раз уценена.

– Какой дефект? – насторожилась Кира.

– Там пятнышко на подкладке.

- То есть внутри? – уточнила Кира.

- Совершенно верно.

- Ничего. Я куплю ее.

Продавщица принесла сумку, Кира почти не заметила никакого пятнышка. Но сумка ей показалась еще прекрасней!

- С вас шестьдесят пять тысяч.

- Всего! – вырвалось у Киры.

- Скидка очень хорошая. И вы дождались ее.

- Да, – счастливо улынулась Кира.

По дороге домой она не переставала заглядывать в картонный пакет. Там в пыльнике лежала ее новая сумка. «Отлично, у меня еще и деньги остались». В ее душе не было страха перед безденежьем. Она работала на двух работах и еще сумела сшить три сумки. Она не пропадет. Наверное, Люда права: надо что-то делать. Нельзя так бездарно разбазаривать свое умение. И этот Рафик, который так помог... А еще подарил кучу кожаных обрезков, какие-то старые отцовские инструменты и вообще был очень внимателен. Нет, он не пытался ухаживать за ней, видимо, он скучал по ушедшему уже отцу. А возня с Кирой и ее сумками напомнили о прошлом. «Здорово, что я купила сумку. Она так мне понравилась, и я смогла ее купить», – думала Кира и представляла, как она с ней пойдет на работу. Еще она представляла себе лицо мужа. Отношения между ними оставались неровными, и скандалов не было только потому, что Кире было некогда реагировать – она пыталась успеть все. И к тому же она просто мало общалась с мужем. Работа, шитье сумок отнимали и время, и силы. Спать ложилась чаще всего на террасе, когда уже начинало светать. Виктор однажды пришел к ней, попытался обнять, но Кира почти спала, на ласку мужа не ответила.

Она торжественно вошла в дом и увидела мужа, который гонял кошку.

- Ты что к ней прицепился? – сурово спросила Кира.

- Курицу из кастрюли чуть не стащила.

Кошка была умной, к тому же Кириной любимицей, о чем, несомненно, сама догадывалась. Завидев хозяйку, кошка вылезла из-под стола и нахально прошлась посередине комнаты. Кира не сдержала улыбки.

- Что ты так на меня смотришь? – сказала Кира. – Подумаешь, курица! Смотри, я себе купила сумку.

Кира достала из пыльника свое сокровище.

- Ну хорошая, только странной формы.

- Это мода такая. Сейчас такие носят. Вернее, в прошлом сезоне.

- Ага, а в следующем сезоне их выбрасывают, – усмехнулся Виктор.

- У кого денег много, наверное, выбрасывают, – обиделась Кира.

Муж, заметив это, решил проявить внимание:

- Ну-ка, покажи поближе, – протянул он руку.

- На, только осторожно, замша все впитывает.

- Да ладно тебе, – Виктор крутил в руках сумку. – А сколько стоит-то?

Кира вспомнила про ярлык, но было уже поздно.

- Это что? Восемьдесят тысяч? Это что такое?

- Она дешевле стоит, ее уценили! – заторопилась Кира.

- Да ты в своем уме? - прогремел Виктор, - я же говорил тебе!

Кира открыла рот, чтобы дальше оправдываться, но потом вдруг разозлилась:

- Ты чего разорался?! Кто дал тебе право так кричать? Если что-то интересует - спроси спокойно! И самое главное, на эту сумку ни одной твоей копейки не потрачено. Я все заработала сама.

- Ты?! Ты заработала? - зло выпалил Виктор.

Прозвучало это так неожиданно, что Кира расхохоталась.

- Витя, не сердись, - продолжая смеяться, проговорила она, - красивая сумка, деньги остались, есть возможность заработать деньги! Понимаешь, все хорошо!

- Что - хорошо? Мне надо резину менять, масло, фильтры, а ты сумку покупаешь за хрен знает какие деньги.

- Так заработай на резину, масло и фильтры! Кто тебе мешает? Ты же большей частью все привередничаешь! Ты после своего Петровича на любую другую работу оттопырив губу смотришь! Ты до сих пор не понял, что богатый, ленивый и щедрый Петрович может только один раз в жизни повстречаться.

Кира перевела дух и, не давая мужу опомниться, продолжила:

- Я заработала деньги на эту сумку! И на жизнь, на продукты тоже заработала. Я сшила три сумки и продала их! Поэтому имею полное право на эту покупку!

- Да, - голос мужа стал вкрадчивым, - а на какие шиши ты будешь месяц жить?

- На оставшиеся. И на меньшие жили. И если мне станет тяжело, я еще один дом уберу или сумку сошью. Понимаешь меня?

Виктор бросил сумку на диван и вышел, хлопнув дверью. «Что это за характер?» - подумала Кира. Радость от покупки, от гордости за свой труд пропала. И сумка теперь казалось безумно дорогой. И на работу в поликлинику брать ее расхотелось. «Ну кто там в таких разбирается? А говорить, сколько она

стоит, вообще нельзя. Премии лишат, скажут, денег куры не клюют. Или за идиотку примут. Да и нельзя давать повод для зависти!» – Кира аккуратно положила сумку в пыльник, а потом в пакет. Она выпустила кошку в сад, вышла сама, села под дубом. Темный вечер был совсем холодным. Кира поежилась, но в дом за кофтой не пошла. Она сидела, смотрела в темноту и думала, что ее жизнь может так и пройти в этом доме, который она любит и который не променяет ни на какой другой. Но что-то ее гнало сейчас отсюда. Она понимала, что нужны перемены.

Сон сморил Киру, когда прохлада сменилась нарастающим теплом, а проснувшись она от зноя и запаха нагретой дубовой коры и листьев. В доме было тихо. «Сейчас Лену от мамы заберу, и пойдем на речку!» – решила Кира. Поднявшись с постели, она увидела свою покупку. Кира еще раз ее достала и внимательно оглядела.

«Чудо, а не сумка!» – улыбнулась она. И уже через час выезжала на шоссе. Она ехала сдавать в магазин покупку. И чем ближе она подъезжала к Москве, тем крепче становилась ее уверенность, что поступает она правильно.

– Голубушка, тебе не кажется, что ты заигралась?! Ко мне Виктор приходил, я ему не поверила. Думала, что привирает, поплакаться хочет. Но вижу – правда. У тебя в голове помутилось все. Ну хочешь сходить с ума – на здоровье. Но о родных думать изволь! У тебя дочь, муж и стареющая мать!

Кира слушала мать и узнавала учительские интонации. Когда-то в школе она разговаривала точно так же. Кире даже показалось, что прозвучит это обычное: «А голову дома не забыл?!» По такой же учительской привычке мать вела разговор по «спирали». Закончив тему, она возвращалась к началу и другими словами повторяла все заново. Кира видела, что Виктор основательно «подогрел» мать – Антонина Васильевна явно знала больше, чем ей рассказывала дочь.

– Мам, может, ты перестанешь кричать! Во-первых, соседи услышат...

– Мне все равно! Я хочу, чтобы ты взялась за ум! И чтобы в доме твоём был порядок.

– У меня всегда порядок! – Кира теряла терпение. – Я хотела с тобой поговорить, посоветоваться. Хотела попросить о помощи. А вместо этого ты кричишь. Ты даже толком не выслушала меня. Ты все знаешь со слов Виктора!

– Мне этого достаточно! Он рассудительный, взрослый человек. Он старается для семьи!

– Мама, а что ты вообще знаешь о нем?! И о нашей жизни!

– Что надо знать – знаю.

– Ты выдала меня замуж. Почти насильно. Ты уговаривала меня, хотя я не любила Виктора. Ты запугала меня, что останусь старой девой. Так вот знай: я очень жалею, что послушалась тебя. Лучше бы я была одна!

– О, я представляю, куда бы ты покатишься! – закатила глаза мать.

Кира уставилась на Антонину Васильевну. Откуда у той такая уверенность, что дочь плохая? Что ей нужен глаз и кнут? «Я училась хорошо, я заботливая дочь, в моем доме всегда чистота, на моем огороде нет ни одного сорняка, я варю варенье и солю капусту. Наконец, я работаю на двух работах. Я не дура – читаю книжки. Моя дочь всегда аккуратна, вожу ее в театр и на кружок танцев в Доме культуры. В чем проблема, мама? Что не так?» – думала Кира, наблюдая, как мать распаляется все больше и больше.

Скандал бушевал уже несколько дней. А вспыхнул он сразу после того, как Кира объявила мужу:

– Я еду учиться.

– Делай что хочешь! – отмахнулся он, продолжая ужинать. Но Кира продолжила:

– Я уеду надолго. И тебе придется заниматься Леной. Я попрошу маму помочь тебе, но ей тяжело будет брать Лену каждый день. Поэтому тебе придется больше внимания проводить с ребенком.

- А ты чем будешь заниматься?
- Я объяснила: я уезжаю учиться.
- Но домой ты же будешь приезжать?!
- Виктор, я уезжаю далеко. В Италию.
- Я ничего не понимаю.

- Хорошо, я тебе объясню. Я сшила три сумки. Они понравились покупателям. Я не хочу работать в регистратуре до пенсии. Я хочу заниматься тем, что нравится и получается. И у меня есть время, чтобы постараться что-то изменить. Я надеюсь, что ты мне поможешь. В конце концов, Лена и твоя дочь. Курс длится два месяца. И по желанию можно пройти стажировку на одной из фабрик, где шьют сумки. Это же очень удобно. - Кира зачем-то конспиративно понизила голос.

Виктор смотрел на жену, и у него в голове не укладывалось то, о чем она говорила. В его понимании учиться надо было в школе, в крайнем случае - после. Сам он после восьмилетки ходил на курсы, потом плюнул и стал «бомбить». Извозом тогда занимались все, кто имел машину. Да и зарабатывали в те годы как могли, поэтому никаких претензий к нему ни у кого не было. И вертеться он тоже умел, и знакомства были. Так или иначе, потребности внутренней и необходимости внешней в учебе не было. Съездить за границу, в его понимании, можно было в Турцию и Египет. Полежать на солнышке, посмотреть на море, попить пиво. Но чтобы ехать учиться! Это казалось полной блажью.

- А языки ты знаешь? - вдруг спросил он.

- В школе у меня была пятерка по английскому языку. В колледже преподаватель был слабенький, но я ходила на курсы. Покупала журналы и книжки. Мне нравилось учить язык, хотя мама этого не понимала и не одобряла. Она радовалась, когда я на курсы кройки и шитья записалась. Она считала, что это намного полезнее.

- Мама была права.

- Не думаю, - твердо сказала Кира, - язык дает свободу. Лишает страха.

- Бесстрашная какая!

- Да, я не боюсь ехать учиться. Я не боюсь чужой страны, я постараюсь справиться. Конечно, мой английский не так хорош, чтобы свободно говорить и слушать лекции, но объясниться в магазине, на улице я смогу.

- А как же занятия? Сама же говоришь, что...

- Я все узнала: там будет синхронный перевод. Так они пишут на своем сайте. Это же международные курсы. Туда со всей Европы едут. Думаю, особых проблем с языком не будет. Кстати, если ты замечал, я мультики английские Леночке сама перевожу. Впрочем, там язык простой!

Повисло молчание. Кира машинально переставляла чашки и еле удерживала себя, чтобы не заговорить. Она знала, что Виктору надо время. Что он терпеть не мог, когда на него наседали, пытались убедить, склонить на свою сторону.

- А на какие деньги ты поедешь? Что-то тут не так! - спохватился Виктор.

- Я сдала сумку, которую купила. И еще взяла два заказа. Они небольшие, надо детские мешки для сменной обуви сшить. Оригинальные, чтобы таких ни у кого не было. Я их быстро сделаю.

И вообще все, что с ней происходило в последнее время, было не для Виктора. Не потому, что он упрямый домостроевец, а потому, что переход на новый уровень устремлений был ему не по плечу. Жизнь, которую они вели, была для него «потолком». Пока, может, не появился новый Петрович, который хорошо бы платил за разовые услуги. Кира вдруг так разозлилась на себя - она наделяла мужа достоинствами, которыми он сроду не обладал. Он по-прежнему был тем самым экспедитором. «Он же так хорошо начинал, был оборотистым, он хорошо зарабатывал, считался «деловым» в деревне. Как я не видела и не понимала, что это игра, что он не умеет бежать на длинные дистанции? Что он попросту ленив! Надо идти к маме, хоть очень не хочется!» - Кира надеялась, что все вопросы они решат внутри.

И вот разговор с Антониной Васильевной.

- Mam, почему ты веришь Виктору, а не веришь мне? Почему ты на его стороне, а не на моей? И кстати, так было всегда. Объясни мне!

- Потому что он старше, он спокойнее. Ему в голову не лезут глупости. Он не суется в воду, не зная брода.

- Мама, ты же человек с образованием...

- Ты упрекаешь мать?

- Нет, я просто хочу понять, почему ты, человек, окончивший педагогическое училище, столько лет проработавший в школе, не понимаешь, что новое образование, развитие - это хорошо! Это полезно! Это может быть даже выгодно!

- Я о деньгах думаю в последнюю очередь. Если бы было иначе, я бы давно на «Мерседесе» ездила.

- Хорошо, давай по-другому поставим вопрос: почему я не имею права учиться?

- Потому что ты должна понимать свою ответственность перед семьей. У тебя дочь.

- Мама, я никогда тебе не говорила, что я не люблю мужа и я несчастлива с ним. Я готова все терпеть - у Лены должен быть отец. Она его любит. Но я не позволю ни тебе, ни ему мешать мне. Я - вполне самостоятельный человек и обойдусь без вашей помощи.

Кира решительно встала и вышла.

- Самостоятельный она человек. Что же ты мне дочку оставила? Вон она в спальне играет.

Кира не ожидала этого от матери.

– Лена, дочка, собирайся! Пора домой.

Кира сидела у Люды Вороновой.

– Да, кто мог ожидать!

– Мама всегда была на его стороне, но я надеялась, что сейчас она меня поймет.

– У нее возраст... Она устала от всех передраг. Она хочет покоя, а ты уедешь – и волнуешься за тебя. За Лену, за вашу семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mironina_nataliya/volshebnyaya-sumka-germiony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)